

Зарин Андрей Ефимович

Казнь

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Казнь: Роман / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 314 с.

ISBN 978-5-519-85677-5

ISBN 978-5-519-85677-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Молодая женщина разсмѣялась.

— Что-же цѣлуй!

Но господинъ только улыбнулся, причемъ казалось, что его острый носъ на мигъ прильнулъ къ толстой губѣ, и, чуть кивнувъ головою, онъ медленно пошелъ по аллеѣ къ выходу.

Молодая женщина посидѣла съ минуту, потомъ встала и безпечно пошла той же дорогой, но едва она вышла на главную аллею, какъ кто-то рѣзко схватилъ ее за руку.

Она оглянулась, и улыбка тотчасъ исчезла съ ея лица. Передъ нею стоялъ господинъ лѣтъ 40, высокаго роста, широкій въ плечахъ, съ грубымъ лицомъ крестьянина; волоса на бровяхъ, усахъ и бородѣ его были такъ свѣтлы, что почти не отгѣнялись на лицѣ, сѣрые небольшіе глаза свѣтились злымъ блескомъ, широкій ротъ кривился усмѣшкою. Онъ былъ одѣтъ въ изящное свѣтлое пальто, свѣтлый котелокъ и красныя перчатки; въ рукахъ у него былъ зонтикъ.

Молодая женщина быстро оправилась отъ перваго испуга и, видимо, бравируя, сказала:

— Что у тебя за манеры? Ты совершенный мужикъ!

Онъ не обратилъ вниманія на ея слова.

— У тебя было свиданіе съ Деруновымъ? Да? Я его видѣлъ сейчасъ. Встрѣтилъ.

Молодая женщина презрительно пожала плечами.

— Последнее время ты его видишь всюду: въ стаканѣ чая, въ тарелкѣ супа. Если ты его и видѣлъ, что это доказываетъ? Однако, пойдѣмъ, чтобы не собралась толпа, и дай мнѣ руку!

Она быстро продѣла свою руку подъ его, повернулась къ выходу и повела его. Онъ пошелъ съ нею, говоря:

— Я знаю, что ты врешь и меня обманываешь. Знаю, что ты видѣлась съ Деруновымъ, и, клянусь, если добьюсь факта—плохо будетъ! Ты не знаешь меня. Я убить способенъ... да, убить!

— Не жми такъ руку! и говори тише: всѣ оглядываются.

Онъ понизилъ голосъ.

— Я, Катерина Егоровна, дорожу своимъ именемъ и не позволю себя вамъ дурачить. Я мужикъ, да-съ! а вы благородная были дѣвица; но я пробилъ себѣ дорогу, имѣю честное имя, и вы сами согласились носить его. Такъ носите съ честью! Я, можетъ, и по-мужицки понимаю ее, честь эту, но ужь тутъ меня не передѣлать.

Екатерина Егоровна только презрительно пожала плечами. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и заговорилъ снова.

— Позоръ! Я спрашиваю, что будешь дѣлать? Сидѣть дома. Я ложусь спать, просыпаюсь пять чай и что же? Лушка мнѣ чуть не въ глаза смѣется: «чуть вы легли, барыня одѣлись и ушли!»

— Если я захотѣла прогуляться.

— Лжешь! не прогуляться, а ты условилась видѣться и успокоила меня. Ты боялась, какъ бы я не вызвался идти съ тобою!

— Все это твои выдумки. Ты самъ раньше говорилъ, смѣясь, что я не знаю, что буду дѣлать черезъ пять минутъ, а теперь—вотъ!

Они дошли до деревяннаго флигелька съ раскрытыми настежь окнами, съ обитою зеленымъ сукномъ дверью, на которой блестѣла мѣдная доска, съ надписью «Александръ Никитовичъ Захаровъ», и Екатерина Егоровна съ силою дернула ручку звонка. Звонокъ громко задребезжалъ.

Курносая, вся въ веснушкахъ, молодая дѣвушка распахнула дверь и впустила господъ.

Александръ Никитычъ быстро сбросилъ съ себя пальто и, снимая на ходу перчатки, прошелъ въ кабинетъ.

— Разогрѣй самоваръ и подай простоквашу,— донеслось до него распоряженіе жены.

Онъ подошелъ къ письменному столу и опустился въ кресло. Прилившая къ головѣ кровь стучала въ виски и рѣзала глаза. Онъ прикрылъ ихъ рукою и задумался.

Онъ сознавалъ отчетливо, ясно, что нѣтъ ничего пошлѣе ревнивыхъ подозрѣній, но они сами лѣзли ему въ голову и не давали ему покоя. Съ чего началось?.. Почему Деруновъ?.. Правда, ей скучно съ нимъ: она жизнерадостна и любитъ веселье, онъ угрюмъ и необщителенъ. Она иногда тосковала, иногда они ссорились, и все-таки жили складно, а теперь?.. Ему стали припоминаться случаи, когда придя со службы, онъ обѣдалъ одинъ, когда вечеромъ за вечеромъ она уходила въ театръ, къ знакомымъ, оставляя его одного. Хозяйство опустилось, все въ забросѣ: пыль не сметена, иногда вечеромъ передъ самымъ чаемъ оказывается, что вышелъ весь сахаръ. Лушка завариваетъ чай... Потомъ вдругъ у

нея появились наряды. На какія деньги? Она говоритъ, что даетъ мать. Развѣ можетъ давать мать изъ 60 р. пенсін съ ея замашками, а?.. И въ то же время провѣрить это—мучительно позорно... и вдругъ она ѣдетъ въ коляскѣ съ этимъ Деруновымъ! Что у нихъ общаго? Онъ богатъ, воротило въ банкѣ, а она? жена думскаго бухгалтера! и, наконецъ, онъ съ Деруновымъ не знакомъ. Она говоритъ, что познакомилась съ нимъ у Можаевыхъ, что онъ предложилъ ей прокатиться. Познакомилась—хорошо; но зачѣмъ же кататься? И, наконецъ, сегодня!.. сперва встрѣтилъ его, слѣдомъ за нимъ ее. Какая она шла веселая и какъ испугалась встрѣчи съ нимъ... О-о!!

Александръ Никитычъ схватился руками за голову и только тутъ замѣтилъ, что онъ сидитъ въ шляпѣ. Котелокъ полетѣлъ на диванъ вмѣстѣ съ перчатками.

Онъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

Въ дверь заглянула Екатерина Егоровна. Маленькая, полная фигурка ея въ свѣтломъ сарпинковомъ платьѣ была изящна; полное лицо съ задорно смѣющимися глазами, съ дрожащими пунцовыми губами и ямочкой на щекѣ, съ пышно взбитыми волосами надъ бѣлымъ лбомъ, дышало чистотою.

— Ну, успокоился?—спросила она шутливо,—иди чай пить.

Онъ остановился передъ нею и невольно улыбнулся, хотя брови его еще были нахмурены. Потомъ онъ быстро привлекъ ее къ себѣ и порывисто обнялъ. Она, сложивъ на груди руки, прижалась къ нему.

— Отчего ты такой?—спросила она его тихо.

Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ.

— Ахъ, я бы самъ хотѣлъ перемениться, но что-то порвалось между нами, и ты не хочешь поправить, а я не умѣю. Все оттого, что я люблю тебя, что я самолюбивъ, что я, разъ усомнившись, не могу вернуть къ себѣ съ легкостью прежней вѣры.

— Я тебя ни въ чемъ не обманываю,---прошептала она, вздрогнувъ.

— Ахъ, это было бы такъ жестоко!—страстно сказалъ онъ и сталъ порывисто цѣловать ея лобъ и глаза.—Если разлюбишь, скажи лучше прямо, но не обманывай, не лги! Я не могу быть въ невѣдѣннѣ! Все, кромѣ обмана!

Она тихо выскользнула изъ его объятій.

— Пойдемъ! а то опять самоваръ простынетъ!

Онъ обнялъ ее за талію и, успокоенный, счастливый, прошелъ съ нею въ ярко освѣщенную столовую.

.

Послѣ безумнаго взрыва страсти, который охватилъ Александра Никитича вслѣдъ за долгими ночами гнетущихъ сомнѣній, онъ лежалъ на постели, смотря въ темное небо, по которому пробѣгали зарницы, и наслаждался сознаниемъ взаимной любви.

Екатерина Егоровна прижалась къ нему полными грудями и тихо сказала:

— Милый, если ты хочешь совсѣмъ избавиться отъ своихъ подозрѣній, отпусти меня недѣли на три-четыре.

Онъ вздрогнулъ.

— Куда?

— Я пройду по Волгѣ... До Нижняго... и назадъ. У мамы есть даровой билетъ перваго класса. Ты по письмамъ моимъ увидишь, что, кромѣ тебя, мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла. Я вернусь и стану совсѣмъ другая. Ты все забудешь.

Онъ не отвѣчалъ. Она подождала немного и, обнимая его, заговорила снова:

— Ты знаешь, какъ у насъ лѣтомъ гадко. Пыль и жара. Я хоть мѣсяцъ подышу полною грудью, и это почти ничего не будетъ стоить. Ты дашь мнѣ... ну, двадцать пять рублей! Ты молчишь? Поѣдемъ вмѣстѣ!

Онъ порывисто обнялъ ее.

— Развѣ я могу? Поѣзжай одна, отдохни, провѣтрись и вернись ко мнѣ прежней. Нѣтъ,—поправился онъ,—сегодняшней!

Она стала цѣловать его лицо, и онъ зажмурился отъ ея ласкъ, вѣжась и вздрагивая...

.

II.

Духота вечера смягчалась прохладою огромной рѣки. Воды ея поднялись высоко, она разлилась по отлогому берегу и казалась широкою, какъ море.

Пароходы уже тянули по ней караваны барокъ, пассажирскіе пароходы-гиганты быстро неслись, пѣня своими колесами воду, парусныя и весельныя лодки мелькали тутъ и тамъ, «Зеленый островъ» былъ затопленъ, и лодки гуляющихъ скользили между деревьевъ, царапаясь дномъ о верхушки кустовъ.

Одна изъ лодокъ врѣзалась въ листву тополя и стояла недвижно въ то время, какъ хозяева ея лѣниво наслаждались покоемъ.

Ихъ было двое и хотя они не были похожи другъ на друга, всякій призналъ бы ихъ за двухъ братьевъ.

Одинъ изъ нихъ, тотъ, что сидѣлъ на веслахъ, былъ мужчина лѣтъ тридцати шести, плотный, съ коротко стриженными волосами и красивою темно-русою бородою; сѣрые глаза его смотрѣли мечтательно, но въ нихъ чувствовались твердая воля, чувствовалась она и въ рѣзкомъ подрѣзѣ ноздрей широкаго носа, и въ складкѣ губъ. Онъ сидѣлъ безъ сюртука, въ жилеткѣ съ золотой цѣпью и крахмальной сорочкѣ. Другой, сидѣвшій на рулѣ, былъ высокъ, строенъ и широкъ въ плечахъ. Черты лица его были тонки и правильны, подвижныя ноздри говорили о пылкости характера, большіе голубые глаза то горѣли огнемъ, то гасли и тускнѣли; длинныя, густыя волосы гривой подымались надъ его высокимъ лбомъ и, падая на воротникъ, почти закрывали уши. Маленькая острая бородка и небольшіе усы открывали его изящно очерченный ротъ. Ему нельзя было дать болѣе тридцати лѣтъ.

Въ синей рубашкѣ, съ растегнутымъ воротомъ, стянутый въ талѣ широкимъ кушакомъ велосипедиста, онъ, откинувшись на корму, курилъ сигару, а на него любовнымъ, задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ старшій братъ, облокотившись на колѣна разставленныхъ ногъ.

— Господи, какъ хорошо! не оторвешься! — воскликнулъ послѣ нѣкотораго молчанія младшій, —

Гоголь писалъ: «чуденъ Днѣпръ, при тихой погодѣ, когда вольно и плавно...», а посмотрѣлъ бы онъ на нашу Волгу. Ширь-то, ширь какая! а какая исторія, легенды, преданія!..

— Стенька Разинъ и прочіе,—отозвался старшій.

— Шутя! а и Стенька Разинъ развѣ теперь не достояніе поэтовъ? Какаѣ удали, какой размахъ! Этотъ не караваны грабить, а на самую Москву шель—воеводъ ссаживать.

Старшій не отвѣтилъ. Младшій оглядѣлся еще разъ на небо, гдѣ уже догоралъ закатъ и темная туча ползла, какъ чудовище, медленно, но неуклонно, на безбрежную водную гладь, на городъ, который издали свѣтился огоньками, и грустно сказалъ:

— Вернувшись назадъ, послѣ восьми лѣтъ разлуки, какъ безумно хочется вернуть все пержитое, а оно уже ушло безъ возврата, и чувствуешь себя словно обманутымъ. Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, вѣрнѣе, подъ этимъ мѣстомъ, потому что вода залила островъ, сколько перемечталъ я съ товарищами, какихъ клятвъ мы не давали другъ другу! и что-же?..

— Что же? Ты писатель, твое имя извѣстно, тебя хвалятъ критика и любятъ читатель,—возразилъ братъ и любовно посмотрѣлъ на него.

Глаза младшаго вспыхнули, онъ встряхнулъ волосами и сердито воскликнулъ:

— Ахъ, не говори мнѣ о моемъ писаніи! Это мое проклятіе! Я еще ничего не написалъ такого, что мнѣ по сердцу; ничего такъ, какъ мнѣ нравится. Все написанное надо бы разорвать, а, между тѣмъ, по малодушію, я несъ и продавалъ, потому что

мнѣ давали деньги, а онѣ такъ нужны въ Петербургѣ! Мое писаніе, моя извѣстность!—повторилъ онъ съ горечью.— Да развѣ это—писаніе, въ иллюстрированныхъ изданіяхъ для семейнаго чтенія? Мои читатели! Э, Богъ съ ними! А критика? Напротивъ, я бы гордился, если бы меня бранили, а не хвалили бы такъ равнодушно-казенно. Развѣ о такой извѣстности я мечталъ и мечтаю? Нѣтъ, Яша! подожди. Я еще вѣрю въ себя и вѣрю! а пока мнѣ грустно, и томить меня иногда разочарованіе.

Онъ замолчалъ. Братъ съ любовью ему отвѣтилъ:

— Ты всегда былъ такимъ. То полное презрѣніе къ себѣ, то вдругъ сатанинская гордость. Въ тебѣ нѣтъ выдержки, и отъ этого ты неровенъ, какъ женщина, а иногда легкомысленъ, какъ ребенокъ.

— Что же, я отъ этого не отказываюсь,—тихо сказалъ онъ,—у меня никогда не было твоего равновѣсія, а, слѣдовательно, и силы. Я всегда портилъ самъ свою жизнь, и вотъ теперь... Ахъ, какъ мнѣ тяжело, Яша!—вдругъ произнесъ онъ съ тоскою.—Я терплю такую муку! Признаться, Яковъ, я думалъ, что въ Петербургѣ сердце мое настолько износилось и я такъ опошился, что уже застрахованъ отъ глупости, а между тѣмъ...

Лицо старшаго брата опечалилось.

— Оставь эту мысль, Коля, оказалъ онъ строго.

— Оставь, оставь!—пылко заговорилъ Николай, сверкнувъ глазами.—Ты никогда не поймешь этого! Ты отдалъ мнѣ, неблагодарному, все свое сердце и всю свою любовь, такъ тебѣ-ли судить о любви къ женщинѣ? Слушай! Ты всего не знаешь. Я, вѣдь,

любилъ ее, а она меня. Когда я оканчивалъ гимназію, тамъ!—онъ указалъ на городъ,—рука объ руку я съ ней гулялъ по аллеямъ сада. Она говорила мнѣ о любви, она цѣловала меня!.. развѣ это легко забыть? Потомъ наша переписка! у меня всѣ письма ея смочены моими слезами. Нѣтъ, старая любовь не ржавѣетъ. Я увидѣлъ ее, и въ душѣ моей все воскресло снова! Я даже не понимаю, какъ все случилось. Я знаю, виноватъ я. Тамъ я увлекся подлою бабой и прекратилъ съ Аней переписку. Если она вышла замужъ, то опять, я знаю, съ отчаянья. Но развѣ отъ этого легче? мнѣ-то. Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ послѣ восьми лѣтъ, я думалъ, что упаду въ обморокъ. Въ лицѣ ея все: и кротость, и доброта, и прелесть, и все та же святая невинность. И теперь, я знаю, она несчастлива...

— Ты объяснялся съ нею?—взволнованно спросилъ Яковъ.

— Я не такая свинья. Я благодаренъ ей, что она не гонитъ меня отъ себя; зачѣмъ же я буду смущать ее? Но я знаю, я вижу, что она несчастна. И какъ иначе? вѣдь всѣ знаютъ, что за птица этотъ Деруновъ. Эгоистъ, сладострастникъ, гадина! былъ оцѣнщикомъ въ ломбардѣ Почкина, сталъ управляющимъ, наворовалъ, занимается ростовщицествомъ, теперь директоръ банка и важная персона! Много ты по его приказамъ векселей протестуешь?

Яковъ усмѣхнулся.

— Бываетъ...

— И она его любитъ!—воскликнулъ Николай,—